

Иньсинь, рассказывая, сморщилась:

— Я пряталась до сих пор, меня никто не нашёл, значит, я должна была выиграть. Почему же папа и мама до сих пор не пришли за мной?

Пэй Чоу и У Чуань переглянулись, сердца их упали.

Из укрытия вдруг донёсся топот, перемежаемый лязгом доспехов и оружия.

У Чуань хорошо знал местность Цзянчэна, повёл Пэй Чоу по тропинке и покинул укрытие.

Людей из Лагеря Воронов выпустили. По предположению У Чуаня, Те Да и Те Эр, вероятно, достигли с Доу Жусуном какого-то соглашения.

В тот день, воспользовавшись суматохой, он сбежал, не успев разобраться в деталях, как встретил возвращавшегося в город Пэй Чоу.

Что касается внезапного предательства гарнизонных войск, у Пэй Чоу тоже были некоторые догадки, но подтвердить их он не мог.

Недолго посоветовавшись, они направились в погреб, где ранее скрывались У Вэй и другие.

В нынешней ситуации самое опасное место — самое безопасное.

В погребе осталась часть припасов, которые не успели вывезти, но хватало лишь на один раз для троих.

Ночью у Иньсинь внезапно поднялась температура, личико стало красным и горячим.

В тёмном погребе не могло быть лекарств, не говоря уже о том, что на улицах повсюду были стражники и гарнизонные солдаты.

Подумав, Пэй Чоу всё же решил сходить на склад Доу Жусуна.

У Чуань схватил его, озабоченно сказав:

— Я пойду. Иньсинь — моя сестра, нет смысла тебе рисковать жизнью.

Пэй Чоу с трудом выдавил улыбку:

— Она ведь тоже называет меня братом. Не волнуйся, мои раны выглядят страшно, но двигаться я могу. Моё мастерство выше твоего, и шансов скрыться у меня больше.

Он потрепал Иньсинь по растрёпанным волосам:

— Подожди, я вернусь с лекарством.

Полночь.

Едва Пэй Чоу приземлился во внутреннем дворе управы, как побледнел и присел на землю.

Со лба градом катился пот, приклеивая пряди к вискам.

Он медленно регулировал дыхание, дожидаясь, когда пройдёт пронзающая боль под рёбрами, затем, пошатываясь, направился в сторону склада, как запомнил.

В беспокойный голодный год Доу Жусун копил не только богатства и зерно, но и лекарства, конечно.

Пэй Чоу без особого труда нашёл аптечку. Хоть он и не разобрался в медицине, но в детстве часто болел и постоянно пил лекарства, поэтому многие средства узнавал.

Он по одному отбирал их и складывал в сумку, не смея задерживаться, и, воспользовавшись тем, что луну закрыли тучи, быстро покинул склад.

Уже приближаясь к слабо охраняемой боковой двери, он увидел приближающийся отряд гарнизонных солдат.

Пэй Чоу поспешно припал к земле в придорожных зарослях.

Он слишком спешил и не разглядел под ногами, лёг прямо на несколько острых камней. Боль от открывшейся раны под рёбрами пронзила позвоночник, отдаваясь в затылке.

Пэй Чоу прикусил губу до крови, но не издал ни звука.

— Все люди пересчитаны?

Пэй Чоу вздрогнул, поднял голову и увидел Доу Жусуна.

— Доложить вашему превосходительству, всего двадцать пять человек, достаточно для зачистки.

Доу Жусун бегло оглядел и кивнул, повернувшись, ушёл.

Спустя долгое время Пэй Чоу поднялся с земли, после колебаний последовал за отрядом гарнизонных солдат.

Они шли в том же направлении, что и погреб под таверной. Пэй Чоу сначала напрягся, но увидев, что они прошли мимо таверны и двинулись дальше, удивился и продолжил слежку.

Раньше западная часть Цзянчэна была большим рынком, очень оживлённым. После наводнения туда почти перестали ходить.

Пэй Чоу, будучи раненым, не смел подходить слишком близко. Увидев, что они остановились, поспешно спрятался за укрытием.

Это место было высоким помостом, вероятно, построенным для важных мероприятий в Цзянчэне, таких как празднование Нового года.

При слабом свете неба Пэй Чоу увидел, как гарнизонные солдаты разошлись, собрали на месте длинные палки и тряпки, связали вместе, сделав простые... носилки?

Пэй Чоу всё больше недоумевал.

Как только на землю опустились более десяти простых носилок, старший подозвал остальных подняться на помост.

В тот же момент ветер разогнал тучи, лунный свет хлынул вниз, осветив этот помост.

Верх помоста был сделан из брёвен толщиной в руку взрослого человека, перекрещенных друг

с другом, первоначально для подвешивания фонарей и украшений во время праздников.

Сейчас с них свисали несколько десятков верёвок, на конце каждой болтался безмолвный человек, покачивающийся на ветру.

Пэй Чоу широко раскрыл глаза, не в силах сдержать дрожь.

Гарнизонные солдаты взобрались на помост и стали снимать тела одно за другим, укладывая на простые носилки.

При лунном свете Пэй Чоу разглядел лицо каждого.

Тётя Ван с соседней улицы, лучше всех шившая подошвы для туфель. Ни Да, лучше всех продававший доухуа. И ещё с десятков знакомых лиц.

Несколько дней назад Пэй Чоу ещё сидел с ними в укрытии, беседуя у очага.

Гарнизонные солдаты снимали их с лёгкостью, словно вяленое мясо.

На последнем ряду брёвен висело всего два человека. Казалось, их подвергли жестоким пыткам, на теле почти не осталось живого места, большие и маленькие раны пересекались, свидетельствуя о перенесённых мучениях.

Гарнизонные солдаты развернули их.

Это были У Вэй и его жена.

— Утащите этих бандитов за город и закопайте. Уничтожьте следы!

— Есть!

Пэй Чоу открыл рот, но не издал ни звука.

Кончики его пальцев впились в дерево, он не чувствовал, как сочится кровь.

Ему захотелось немедленно выскочить, выскочить... и затем...

Сзади внезапно раздался странный звук. Пэй Чоу резко обернулся.

Гарнизонные солдаты, естественно, тоже услышали, инстинктивно обнажили клинки и двинулись в эту сторону.

Они обыскали место, где только что прятался Пэй Чоу, но, кроме следов крови на телеге, ничего не нашли.

— Отпусти! Отпусти меня! — У Чуань, заливаясь слезами, изо всех сил пытался вырваться из хватки Пэй Чоу.

Тогда он, не дождавшись возвращения Пэй Чоу, беспокоясь, вышел его искать. Увидев, как Пэй Чоу следует за гарнизонными солдатами, он тоже пошёл за ними.

А затем увидел тела родителей.

— Мой отец, моя мать... Собака-чиновник! Собака-чиновник! Отпусти меня! Я убью этого

собаку-чиновника, отомщу за них!

Пэй Чоу, получив от него толчок в рану, болезненно перевел дух, собрался и сурово сказал:

— Если ты пойдёшь сейчас — это самоубийство! Один против стольких гарнизонных солдат!

У Чуань не слушал, лишь слепо рвался к выходу.

Пэй Чоу, будучи раненым, почти не мог его удержать, поэтому сказал:

— Подумай ещё об Иньсинь! Она ещё так мала, ты её единственный родной человек!

У Чуань вздрогнул.

Казалось, из него ушли все силы, он бессильно опустился на землю. Спустя долгое время вдруг поднял руки и схватился за голову.

Слёзы текли не переставая, он скорбно произнёс:

— Моими последними словами отцу были... были слова, чтобы он считал, будто у него никогда не было такого сына... Ха-ха-ха-ха...

Рыдания юноши, полные бесконечной скорби, в ночи звучали особенно пронзительно и холодно.

Эту ночь Пэй Чоу не смел больше спать. Он приготовил лекарство, напоил Иньсинь, убаюкал её, затем сел у костра, время от времени поглядывая на У Чуаня.

С момента возвращения У Чуань сидел в углу, не проронив ни слова, словно ледяная статуя.

Пэй Чоу ранее прихватил немного кровоостанавливающих трав, теперь срывал бинты с ран, преодолевая боль, сам обрабатывал их.

Боль от ран заставляла его вздрогнуть и проясняла сознание.

В такое время он ни в коем случае не должен действовать импульсивно, не должен падать.

На рассвете Пэй Чоу разбудил яркий свет.

Он немного пришёл в себя, поспешно поднялся и инстинктивно взглянул в угол.

У Чуаня не было.

Пэй Чоу напрягся, пошатываясь, вышел на поиски.

Пока не увидел тело у ворот управы.

На теле У Чуаня не осталось живого места, бесчисленные стрелы пронзили его, от ворот управы по земле тянулся тёмный кровавый след, чем ближе к управе — тем больше сгущалась кровь.

Пэй Чоу почти мог представить, как У Чуань, весь утыканный стрелами, из последних сил пытался приблизиться к управе.

Доу Жусун неспешно вышел, бросил взгляд на тело и с презрением сказал:

— Поднимите его и повесьте на всеобщее обозрение! Пусть этот мятежник увидит, какая участь ждёт поднявших руку на вышестоящих!

— Есть.

Пэй Чоу почувствовал солёный вкус на губах от стекавших слёз. Увидев, как гарнизонные солдаты окружили У Чуаня, он вытер глаза и бесшумно быстро удалился.

У Иньсинь остался только он.

У Вэя и других оклеветали, назвав бандитами, поднявшими мятеж, и повесили на рыночном помосте. Тела кое-как отволокли в горы и закопали, чтобы после смерти их ещё и презирали.

<http://bllate.org/book/15464/1368218>